

В. А. Исупов

ЭПИДЕМИЯ СЫПНОГО ТИФА КАК ФАКТОР СВЕРХСМЕРТНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1932–1933 гг.)

УДК 94(571.1)“1930”

ББК 63.3(253.3)614+60.75

В статье на основе обширного круга источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, рассматриваются слабо исследованные аспекты генезиса и последующей динамики сверхсмертности городского населения Западной Сибири в период голода 1932–1933 гг. В статье акцентируется внимание на изучении причин смертности городского населения. Такой подход явился своеобразным ключом к пониманию генезиса той демографической катастрофы, которая разразилась в регионе в начале 1930-х гг. Среди многочисленных причин смертности выделяется сыпной тиф, эпидемии которого внесли «значительный вклад» в увеличение показателей смертности. В статье особое внимание уделяется социальной составляющей в генезисе и развитии эпидемии этого опасного заболевания.

Ключевые слова: *городское население, голод, сыпной тиф, эпидемии, заболеваемость, смертность, сверхсмертность, структура причин смерти*

К настоящему времени сложился обширный пласт литературы, характеризующей голод в СССР в начале 1930-х гг. В монографии В. В. Кондрашина содержится основательный историографический обзор проблемы.¹ Добавим лишь то, что значительное внимание в литературе уделяется не только проблемам, ставшим, если так можно выразиться, «типовыми» (генезис голода, его распространение, география, социально-экономические последствия и политическое значение и т. д.), но и ранее не ставившимся вопросам, в частности демографическим результатам голода.² Вместе с тем слабоизученным оказался такой сюжет, как определение причин смертности населения в начале 1930-х гг. В литературе пока нет четкого ответа на вопрос, что же послужило главным

фактором высокого уровня смертности населения — собственно истощение людей или эпидемии инфекционных заболеваний, являющихся неизбежными спутниками голода.

Цель настоящей статьи — выявить в первом приближении «вклад» эпидемий сыпного тифа в формирование сверхсмертности населения Западной Сибири в период голода 1932–1933 гг. Источниками послужили сводки о состоянии острозаразной заболеваемости, подготовленные санитарными работниками, а также докладные записки медиков, партийных и советских чиновников о зарождении и развитии эпидемии сыпного тифа. Сведения о количестве умерших от сыпного тифа были получены на основе анализа статистически обработанных результатов медицинских освидетельствований о причинах смерти горожан. В сельской местности причины смерти в 1930-е гг. не фиксировались.

Эпидемии, как известно, представляют собой не только физиологический, но и социальный феномен. На их развитие огромное воздействие оказывают такие факторы, как характер действий властных структур по их преодолению, уровень материальной обеспеченности и степень санитарной культуры населения, доступность медицинской помощи. Очевидно, что ослабленный хроническим недоеданием человеческий организм становился легкой добычей болезней. Голод способствует развитию эпидемий, а они, в свою очередь, ведут к росту смертности.

Среди многочисленных острозаразных болезней, обрушившихся на страну в 1930-е гг.,

¹ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.

² См.: Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993; Население России в XX веке. Т. I. М., 2000; Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001; Голотик С. И., Минаев В. В. Население и власть: очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004; Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011 и др.

*Исупов Владимир Анатольевич — д.и.н., заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: Vladimir_2004_@mail.ru*

* Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-01-00109 «Демографическая история Западной Сибири: конец XIX — начало XXI в.»

особую, смертельную опасность представлял сыпной тиф — инфекционное заболевание, переносчиком которого выступает вошь. Поскольку распространению вшей способствуют главным образом условия существования людей, сыпной тиф носит отчетливо выраженный социальный характер, всегда появляется в условиях социальных катаклизмов.

Долгое время сыпной тиф был общераспространенным заболеванием. Но до тех пор, пока степень его распространенности не превышала уровня обычной (спорадической) заболеваемости, эта болезнь считалась вполне заурядным явлением повседневности. По данным советской санитарной статистики, в 1926 г. индекс заболеваемости населения РСФСР сыпным тифом составлял 4,2 заболевших на 10 тыс. человек (без железнодорожного транспорта), в 1927 г. — 2,2 заболевших.³ В Западной Сибири индекс заболеваемости сыпным тифом был ниже, чем по РСФСР в целом: в 1926 г. он составлял — 2,5 заболевших на 10 тыс. человек, а в 1927 г. — 1,3.⁴ Это был обычный для того времени уровень, который к тому же устойчиво сокращался. Но с вступлением России в полосу социальных катаклизмов заболеваемость сыпным тифом обрела тенденцию к резкому повышению. И если в 1930 г. в СССР было зарегистрировано 39 тыс. случаев этой болезни,⁵ то в 1933 г. — почти 900 тыс.⁶ Быстрое распространение сыпного тифа затронуло и Западную Сибирь. Первоначально рост заболеваний был вызван перемещением в относительно благополучный по этому показателю регион больших масс заключенных и спецпереселенцев. Именно эти наименее защищенные в санитарном отношении социальные группы стали первыми жертвами вшей. «Очень большое значение в деле появления и распространения заболеваний паразитарными (вшивыми) тифами имеют дома заключения с их специфическим контингентом населения, переполнением и крайне неудовлетворительным санитарным состоянием», — писал 20 августа 1930 г. заведующий Западно-Сибирским крайздравом М. Г. Тракман.⁷

В марте 1931 г. эпидемия сыпного тифа охватила почти все места заключения и спец-

комендатуры Западной Сибири. В «Конъюнктурном обзоре по здравоохранению на март месяц 1931 г.», составленном в аппарате Западно-Сибирского краевого отдела здравоохранения и направленном в Отдел учета и статистики НКЗ РСФСР, указывалось, что «основными очагами по сыпному тифу за март месяц являются г. Томск (спецлагерь) и Яя Анжеро-Судженского района (спецлагерь). В этих пунктах заболевание держится уже в течение продолжительного времени... и сколько-нибудь значительного снижения, особенно на Яе, не замечается... В связи с движением спецпереселенцев образовались довольно значительные очаги заболеваний сыпным тифом по путям следования в местах прибытия (Мариинск, Тутало-Чулымская комендатура). Партии спецпереселенцев и им подобные контингенты... являлись в прошлом и сейчас являются главными контингентами, среди которых наблюдаются заболевания, и главным источником вспышек и появлений очагов в тех или других пунктах».⁸ Тракман и краевой эпидемиолог Банин в «Конъюнктурном обзоре эпидемического состояния Запсибкрая за январь 1932 г.» указывали, что «продолжается прибытие завшивленных партий заключенных, не подвергавшихся обработке при посадке, и даже больных главным образом из Свердловска и Павлодара... По северным районам повышение заболеваемости в основном за счет спецпереселенцев в комендатурах».⁹ Остановить распространение эпидемии в Западной Сибири в начале 1930-х гг. не удалось. В «Обзоре о состоянии смертности л/свободы (лишенных свободы — В. И.) по исправительно-трудовым учреждениям Западно-Сибирского края» за январь–февраль 1932 г., составленном работниками административного сектора Краевого управления ИТУ (далее — КУИТУ), подчеркивалось, что в большинстве исправительно-трудовых учреждений в осенне-зимний период 1931–1932 гг. вспыхнули эпидемии тифа. Удельный вес заключенных, скончавшихся от тифа, в общей совокупности умерших в местах лишения свободы достиг 5,3 %.¹⁰

В апреле 1933 г. председатель Запсибкрайисполкома Ф. П. Грядинский телеграфировал председателю СНК РСФСР Д. Е. Сулимову: «Продолжается прибытие завшивленных

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 81. Л. 30.

⁴ См.: Сибирский медицинский журнал. 1931. № 6/7. С. 74.

⁵ См.: Инфекционные болезни человека в СССР: стат. справ. М., 1968. С. 52.

⁶ См.: Бароян О. В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968. С. 56.

⁷ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 113. Л. 110.

⁸ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2045. Л. 3.

⁹ Там же. Д. 2194. Л. 60б.

¹⁰ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 163. Л. 40б.

эшелонов заключенных. Санобработка пути следования не налажена. Поезд из Кисловодска прибыл Омск 21 апреля 100 процентной вшивости. Одиннадцать суток санобработки не было. Туапсе вшивость 75 процентов». ¹¹ Санитарный инспектор 7-го санрайона Омской железной дороги 5 апреля 1933 г. с тревогой сообщал начальнику Трансанупра и начальнику Дорсанотдела Омской железной дороги о необходимости принять срочные меры по предотвращению «рассеивания заболевания ф. № 2 (так в документах 1930-х гг. шифровался сыпной тиф — *В. И.*). Из только что проследовавших эшелонов особенно неблагополучным оказался эшелон № 500. С указанного эшелона снято с явными признаками ф. № 2 — 10 человек, с тифозным состоянием — 10 человек и лихорадящих — 17 человек. Кроме того, с него же снято 9 трупов (так в источнике — *В. И.*). Не благополучным прибыл на ст. НСибирск (так в источнике — *В. И.*) и эшелон № 502. С эшелона было изъято с явными признаками ф. № 2 — 4 человека, с тифозным состоянием — 5 человек и лихорадящих ф. № 2 — 17 человек... При формировании эшелонов не проводится тщательного медосмотра и отбора и, возможно, соответствующей санобработки. Многие больные, снятые на станции Новосибирск, несомненно, были погружены в стадии инкубации». ¹²

Аналогичного содержания записку 6 апреля 1933 г. получил по прямому проводу руководитель ОГПУ Г. Г. Ягода от помощника начальника Сиблага ОГПУ Костанжогло: «За время первого пятого апреля магистрали Запсибкрая проследовало девять эшелонов лишенных свободы. Среди следуемых ввиду плохой санобработки с мест отправки органами КУИТУ также пути следования обнаружены: вшивость, заболеваемость сыпным тифом и смертность в результате: поезде НР 602 отправки Харьков 1 326 человек назначением Чесноковскую снято Новосибирске больных 12 человек. Поезде НР 502 отправки Одесса 1 339 человек назначением БАМЛАГ снято до Самары 37 больных и трупов 5, до Новосибирска 35 больных и трупов 8, Новосибирске снято больных 12 человек. Поезде НР 504 отправки Батайска 1 641 человек назначением Владивосток снято Новосибирске трупов 2 и больных 28 человек. Поезде НР 613 отправки

Житомир 1 775 человек назначением БАМЛАГ снято Новосибирске трупов один и больных 5 человек. Поезде НР 616 отправки Батайск 1 200 человек назначением Иркутск снято Новосибирске трупов 9 человек больных 37 человек из них 10 сыпнотифозных...» ¹³

Катастрофическое положение этапов трудпоселенцев нашло отражение в служебной записке начальника Сиблага ОГПУ Горшкова и начальника Санотдела Сиблага ОГПУ Шейна. 30 апреля 1933 г. они писали: «В этапах зарегистрировано большое количество истощенных, больных остро-желудочными заболеваниями и заболеваниями сыпным тифом. Широкое развитие эпидемии сыпного тифа в Томской пересыльной комендатуре целиком связано с заболеваниями в этапах, прибывших в означенную комендатуру из Батайска». ¹⁴ Шейн приложил к записке «Данные о состоянии этапов с трудпоселенцами, проследовавшими в Томск в апреле 1933 г.». Согласно этому документу, в апреле 1933 г. в Томск прибыло 12 этапов с трудпоселенцами, которые находились в пути от 9 до 16 суток. Во время следования с этапов было снято 97 трупов и 213 заболевших, среди которых с сыпным тифом или с подозрением на него было 89 человек. По прибытии в Томск с этапов дополнительно было снято 6 трупов и 152 человека с высокой температурой, из них сыпнотифозных и с подозрением на сыпной тиф — 44 человека. Доля завшивленных в этапах колебалась от 75 до 100 %. ¹⁵ Положение обострилось настолько, что председатель Запсибкрайисполкома Грядинский 21 декабря 1933 г. был вынужден довести до сведения председателя СНК СССР В. М. Молотова, что в основе возникновения и распространения очагов сыпного тифа лежит перемещение контингентов Сиблага, неудовлетворительность их санитарного обслуживания в пути и в ходе приемки на местах. ¹⁶

Вследствие катастрофически быстро понижавшегося уровня жизни сибиряков, голода, развала жилищно-коммунального хозяйства и антисанитарных условий жизни сыпной тиф не мог не выйти за пределы мест заключения и спецкомендатур. Главным проводником сыпного тифа в толщу гражданского населения были железные дороги. Пересечение

¹³ Там же. Л. 108.

¹⁴ Там же. Д. 181. Л. 16.

¹⁵ Там же. Л. 17.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 2333. Л. 30б.

¹¹ Там же. Д. 205. Л. 7.

¹² Там же. Д. 169. Л. 109.

потоков депортированных и заключенных с «гражданскими» пассажирами превратило железнодорожные магистрали в источник быстрого распространения инфекции по территории огромной страны. В 1933 г. индекс заболеваемости сыпным тифом (без учета железнодорожного транспорта) составлял по РСФСР 47 заболевших на 10 тыс. человек. Если же включить в расчет железнодорожный транспорт, то индекс заболеваемости сыпным тифом более чем удвоится и вырастет до 106 заболевших на 10 тыс. человек.¹⁷ Таким образом, каждый второй случай заражения сыпным тифом был зафиксирован на железной дороге. Согласно сводке Запсибкрайздрава о состоянии острозаразной заболеваемости за II декаду апреля 1933 г., в Новосибирске из всех случаев заболевания сыпным тифом

ли очагами заболеваемости сыпным тифом. «Распределение заболеваемости, — писали в марте 1932 г. Тракман и Банин, — дает прежнюю картину: наибольшая пораженность промрайонов, новостроек, крупных городов».²¹ Прокопьевск, Новокузнецк, Щегловск, подчеркивали они, «дают высшие цифры заболеваемости в основном за счет вновь прибывающих контингентов из сельских районов Края и Зауралья».²² Уполномоченный Запсибкрайкома ВКП(б) Паршин 31 декабря 1932 г. в докладной записке «О развитии эпидемии по г. Барнаулу» подчеркивал: «В результате прямого ослабления борьбы с эпидемией, по г. Барнаулу наблюдается резкое распространение сыпного тифа». Здесь в 1932 г. по отношению к 1931 г. заболевания сыпным тифом выросли в 3,5 раза²³.

Таблица

ДИНАМИКА ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЙ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ СЫПНЫМ ТИФОМ
ПО ЗАПАДНО-СИБИРСКОМУ КРАЮ В 1931–1932 ГГ.,* ЧИСЛО ЗАБОЛЕВАНИЙ

Регион	1931 г.	1932 г.**	Рост заболеваемости, %
Промышленные города и промрайоны	2 990	17 289	578,2
Новосибирск	334	3 058	915,6
Омск	318	2315	728,0
Всего по краю	4 810	33 996	706,8

*Источник: ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 168. Л. 144–145.

**Сведения за 1932 г. неполные: отсутствуют данные за вторую и третью декады декабря.

47% приходилось на заразившихся в дороге, 8 — на заразившихся от приезжих, 10% — на железнодорожников и рабочих Сибстройпути. В Барнауле свыше 37% заражений сыпным тифом приходилось на приезжих:¹⁸ контактируя с местным населением, они разносили инфекцию по всему городу.

Тракман и Банин в своих «Конъюнктурных замечаниях на движение заболеваемости за март 1932 г.» отмечали: «Наиболее крупным фактором, влияющим на распространение сыпного тифа, является железная дорога...»¹⁹ С. А. Арбенев, сменивший Банина на посту эпидемиолога Западно-Сибирского края, объяснял рост заболеваемости сыпным тифом «массовым завозом инфекции по железнодорожным путям».²⁰ Поскольку самые большие пассажиропотоки пересекались в промышленных районах и крупных городах, то они и ста-

Из данных таблицы видно, что в 1931–1932 гг. число заболеваний сыпным тифом в Западно-Сибирском крае выросло в 7 раз, а в промышленных городах и промышленных районах почти в 6 раз. В крупных городах рост заболеваемости был еще более значителен. Из городов тиф двинулся в голодающую деревню. Так, в Рубцовском районе число зарегистрированных случаев заболеваний сыпным тифом в 1932 г. по отношению к 1931 г. увеличилось в 57 раз, в Алейском районе — в 36 раз.²⁴

В 1933 г. заболеваемость сыпным тифом продолжала расти. В докладной записке, направленной в конце января 1933 г. секретарю Запсибкрайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе, Тракман и краевой государственный инспектор санитарного надзора З. Г. Толстунова писали: «Эпидемическое состояние края продолжает оставаться

¹⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 81. Л. 30, 39.

¹⁸ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 181. Л. 4.

¹⁹ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2194. Л. 3.

²⁰ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 181. Л. 21.

²¹ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2194. Л. 2.

²² Там же.

²³ ГААК. Ф. 10. Оп. 8. Д. 4. Л. 123, 130.

²⁴ Там же. Л. 144, 145.

чрезвычайно тяжелым. Основными пораженными участками являются Сталинск, Новосибирск, Барнаул, Омск, Прокопьевск, Анжерка, Кемерово, Ново-Омский район, Рубцовский район, Исилькульский, Троицкий, Лушниковский, Черепановский».²⁵ 27 января 1933 г. Толстунова и Арбенин сообщали в Запсибкрайисполком о дальнейшем значительном подъеме заболеваемости сыпным тифом.²⁶ Всего в начале 1933 г. сыпной тиф поразил 80 районов Западно-Сибирского края.²⁷

К весне 1933 г. ситуация еще более обострилась. Противоэпидемическая комиссия при СТО в своем постановлении № 4 от 7 марта 1933 г. констатировала: «...заболеваемость сыпным тифом в Западной Сибири до сих пор не только не снижена, но продолжает расти».²⁸ Остановить распространение сыпного тифа власти были не в силах. В «Объяснительной записке к сводке за II декаду апреля 1933 г.», составленной в Запсибкрайздраве, указывалось: «Сыпной тиф. Рост заболеваемости по всем городам и промрайонам, особенно выраженный в Омске, Новосибирске и Сталинске. Чрезвычайно тяжелое положение создалось в Исилькульском, Называевском, Любинском, Пospelихинском, Шипуновском, Тальменском, Топчихинском, Алейском и Троицком районах, где заболеваемость сыпным тифом дает резкий рост».²⁹ Не улучшилась ситуация и к концу апреля. В «Объяснительной записке к сводке за III декаду апреля 1933 г.» Арбенин вынужден был констатировать: «Сыпной тиф. Рост заболеваемости по большинству городов и районов, стоящий в связи с массовым завозом инфекции по железнодорожным путям и сокращением санитарной обработки населения вследствие длительных перебоев в работе бань из-за недостатка топлива и воды».³⁰

Сыпной тиф, имеющий сезонный характер, особенно широко распространялся осенью, зимой и ранней весной, когда люди использовали теплую одежду, в складках которой и коренилась вошь. Но в 1933 г., в нарушение всех санитарных закономерностей, сыпной тиф продолжал развиваться и летом. Как следует из данных, приведенных в докладной записке Грядинского, в августе 1933 г. число заболева-

ний сыпным тифом по сравнению с августом 1932 г. почти удвоилось. Осенью 1933 г. последовал еще более мощный подъем заболеваний: в ноябре 1933 г. по сравнению с сентябрем этого года количество зарегистрированных случаев сыпного тифа утроилось.³¹ Грядинский 21 декабря 1933 г. докладывал Молотову и Сулимову о том, что «эпидемическое состояние Западносибирского края в отношении заболеваемости сыпным тифом продолжает оставаться весьма напряженным». Особенностью эпидемии сыпного тифа 1933 г. в Западной Сибири, как отмечал Грядинский, была стабилизация заболеваемости в городах, но «значительный рост заболеваний в сельских местностях края с наличием очагов во всех районах включительно до самых глубинных пунктов».³²

Очень напряженной оказалась эпидемическая ситуация в многочисленных нищих совхозах. Заместитель председателя Запсибкрайисполкома И. И. Решиков в секретном циркулярном письме, направленном председателям горсоветов и райисполкомов, 20 мая 1933 г. писал: «Население совхозов продолжает жить в исключительно тяжелых жилищных условиях, банями не обеспечено и почти поголовно завшивлено, строительство вошебок не производится, прибывающие в совхоз рабочие санитарной обработке не подвергаются. В результате этого ряд совхозов уже превратился в очаги сыпного тифа».³³

Эпидемии инфекционных заболеваний, и прежде всего сыпного тифа, стали важным фактором увеличения смертности в сибирских городах. В 1933 г. общий коэффициент смертности в городских поселениях Западно-Сибирского края составлял 30,6‰, в том числе в Новосибирске — 33,5, в Томске — 45,9, в Прокопьевске — 48,2, в Омске — 35,2, в Бийске — 33,8‰.³⁴ Укажем для сравнения, что накануне первой пятилетки, в 1928 г., в городах Западной Сибири уровень смертности не превышал 21‰.³⁵

«Вклад» сыпного тифа в повышение смертности жителей городов Западно-Сибирского края очевиден. В 1933 г., когда эпидемия достигла своего пика, число умерших от сыпного тифа в городах Западной Сибири по отношению к 1932 г. почти удвоилось.³⁶ Удельный

²⁵ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 169. Л. 37.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1867. Л. 7.

²⁷ Там же. Оп. 5. Д. 169. Л. 37.

²⁸ Там же. Д. 182. Л. 69.

²⁹ Там же. Д. 181. Л. 4.

³⁰ Там же. Л. 21.

³¹ Там же.

³² Там же. Оп. 1. Д. 2333. Л. 3.

³³ Там же.

³⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 10.

³⁵ ГАНО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 35. Л. 35

³⁶ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 222. Л. 1; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 33. Л. 1.

вес людей, умерших от сыпного тифа, во всей совокупности скончавшихся в городах Сибирского края в 1927 г. составлял всего 0,1%.³⁷ В городских поселениях Западной Сибири доля смертей от сыпного тифа в 1932 г. выросла до 2,6%, а в 1933 г. — до 5,6%.³⁸ Сыпной тиф уносил особенно много жизней людей трудоспособного возраста. Среди умерших от сыпного тифа в городских поселениях Западной Сибири в 1933 г. удельный вес людей возрастной группы от 30 до 59 лет составлял

среди мужчин почти 60%, среди женщин — 56%.³⁹ Смертность от сыпного тифа пошла на спад и достигла своего обычного, спорадического, уровня только после преодоления очевидных проявлений голода. Во всяком случае, в 1935 г. удельный вес скончавшихся от сыпного тифа в городах Западной Сибири сократился до 0,4%, в 1936 г. — до 0,2%.⁴⁰ Сыпной тиф, таким образом, правильно рассматривать как одну из составляющих демографической катастрофы голодных лет.

Vladimir A. Isupov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS

(Russia, Novosibirsk)

E-mail: Vladimir_2004@mail.ru

CAMP FEVER EPIDEMIC AS A SUPER-MORTALITY FACTOR OF URBAN POPULATION OF WESTERN SIBERIA (1932–1933)

Based on a wide range of sources many of which have not been researched before the authors studied some poorly investigated aspects of genesis and further dynamics of super-mortality of the urban population of Western Siberia during the period of 1932–1933 famine. The article is focused on the study of the urban population mortality causes. This approach was a key to understanding the genesis of the catastrophic demographic situation developing in the region in the early 1930s. In the long list of various factors one major cause was the camp fever, the epidemics of which made a “significant contribution” to the mortality rates growth. The authors paid particular attention to the social component in the genesis and the development of the epidemic of this mortal disease.

Key words: *urban population, famine, typhus, epidemic, sickness rate, death-rate, super mortality, structure of causes of death*

REFERENCES

- Baroyan O. V. *Itogi poluvekovoy borby s infektsiyami v SSSR i nekotorye aktualnye voprosy sovremennoy epidemiologii* [Results of the half-century fight infections in the USSR and some topical issues of modern epidemiology]. Moscow: Meditsina Publ., 1968, 303 p. (in Russ.).
- Devis R., Uitkroft S. *Gody goloda: selskoe khozyaystvo SSSR, 1931–1933* [Years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, 543 p. (in Russ.).
- Golotik S. I., Minaev V. V. *Naselenie i vlast: ocherki demograficheskoy istorii SSSR 1930-kh godov* [Population and power: essays on the demographic history of the USSR 1930]. Moscow: Izdatelstvo Ippolitova Publ., 2004, 320 p. (in Russ.).
- Isupov V. A. *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century: historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 2000, 244 p. (in Russ.).
- Kondrashin V. V. *Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni* [Famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian village]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, 519 p. (in Russ.).
- Naselenie Rossii v XX veke* [The population of Russia in the XX century]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000, Vol. 1, 463 p. (in Russ.).
- Naselenie Sovetskogo Soyuz. 1922–1991* [Population of the Soviet Union. 1922–1991]. Moscow: Nauka Publ., 1993, 143 p. (in Russ.).
- Zhiromskaya V. B. *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe* [Demographic history of Russia in the 1930s. Looking into the unknown]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001, 280 p. (in Russ.).

³⁷ Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–27 гг. Новосибирск, 1930. С. 71.

³⁸ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 222. Л. 1; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 33. Л. 1.

³⁹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 222. Л. 1.

⁴⁰ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 73. Л. 28; Д. 101. Л. 34.